

СИМВОЛИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ ЛЕКСЕМ «СЕРДЦЕ» И «ДУША» В «ПИСЬМАХ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н.М. КАРАМЗИНА

Рассматриваются структурные и семантические особенности сочетаний с именами «сердце» и «душа» в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина – одном из основных произведений русского сентиментализма. Особое внимание уделяется специфике использования данных лексем в качестве метонимических символов психической жизни.

Ключевые слова: эмотив; имена-партитивы «сердце» и «душа»; метафорические и метонимические модели.

С творчеством Н.М. Карамзина связана переориентация русского эстетического сознания на принципы нового литературного направления – сентиментализма. Сентиментализм характеризуется вниманием к внутреннему миру человека, представлением о чувствах как о высшей ценности. В связи с этим в качестве структурообразующего элемента «Писем русского путешественника», центрального произведения Н.М. Карамзина 1790-х гг., выступает личность с ее эмоциональными переживаниями. Описывая эти переживания, автор широко использует словосочетания с именами-партитивами (т.е. названиями частей) «душа», «сердце» и их дериватами. По нашим наблюдениям, в произведении преобладают конструкции с компонентом «сердце» (205 единиц, ср. сочетаний со словом «душа» – 54), что соответствует характерной для языка XVIII в. тенденции отводить данной лексеме ведущую роль в символической репрезентации эмоций [1]. Большая часть указанных сочетаний строится по метонимическому принципу, имеет идиоматический характер, реализует представление о сердце как об органе, являющемся средоточием разнообразных чувств и независимом от воли, разума личности. Исследователи полагают, что такое понимание сердца связано с нашей склонностью экстерииоризировать составляющие психики, «представляя их не только как нечто отдельное от нас, но и как нечто, вступающее с нашим “я” в определенные дружеские или враждебные отношения, как нечто, нам помогающее или вредящее, то как собеседника и советчика, то как врага и мучителя» [2. С. 386].

Отметим следующие модели метонимических оборотов с компонентом «сердце»: 1) «сердце + глагольный эмотив»: Я вышел из храма – увидел заходящее солнце, и *сердце мое утешилось* [3. С. 288]; 2) «глагольный эмотив в каузативном значении + сердце»: Мысль, что всякую минуту приближаюсь к отечеству, живет и *радует мое сердце* [3. С. 501]; 3) «безлично-предикативный эмотив/адъективный эмотив + сердце (для сердца)»: Как ни приятно, как ни весело всякий день видеть прекрасное, слышать умное и любопытное, но людям некоторого рода надобны подобные им люди, или *сердцу их будет грустно* [3. С. 425]; Ищи в других местах искусства красоты: Здесь вид богатая природы Есть образ счастливой свободы И *милой сердцу простоты* [3. С. 409]; 4) «сердце чувствует (чувствовало) + субстантивный эмотив/описательное словосочетание» («чувство + сердца»): *Сердце чувствует благоговение*, и колена сами собою преклоняются [3. С. 384]; Друзья мои! Вообразите, что в эту райскую минуту *чувствовало сердце* песнопевца! [3. С. 190]; 5) «субстантивный эмотив + сердца (сердце)»: Внутренне проклинал я то *беспокойство сердца* челове-

ского, которое влечет нас от предмета к предмету, от верных удовольствий к неверным, как скоро первые уже не новы, – которое настроивает к мечтам наше воображение и заставляет нас искать радостей в неизвестности будущего! [3. С. 60]; 6) «сердце + адъективный эмотив»: Земляк наш с пустым кошельком и с *печальным сердцем* не мог участвовать в их веселье [3. С. 496].

В отдельных случаях рассматриваемые идиомы имплицитно сохраняют в своей семантике представление о сердце как о материальном органе. Среди них встречаются как узуальные обороты: Что, если оскорбленный муж убегает тогда ее взоров, если дурно воспитанные дети, не обязанные ей ничем, кроме несчастной жизни и пороков своих, всякий час *растрavляют раны ее сердца* знаками холодности, нелюбви, самого презрения? [3. С. 477]; Новый удар грома перервал его, и *сердце великого мужа облилось кровию* [3. С. 262]; так и индивидуально-авторские: И маркизы рассказывали об этом с таким чистосердечным смехом!! У меня *сердце поворотилось* [3. С. 230]. Существенно, что данные фразеологизмы могут включать в свой состав вторичные эмотивы, эксплицирующие следующие типы метафорического переноса (см.: [1. С. 284–287]):

1) «изменение физических характеристик предметов и субстанций → эмоция»: Нежная Катерина ждет друга, но тщетно; ищет его и не находит. Ей сказывают, что он уехал. *Сердце ее хладеет* [3. С. 330];

2) «движение → эмоция»: Лизету вытащили из пропастей; черепа не было на голове; лицо... Но *сердце мое содрогается...* [3. С. 275]; У меня *сердце прыгало от радости* [3. С. 333] (в данном сочетании действует принцип распределения эмоций по параметру «верх–низ»: положительные чувства связаны с движением вверх, см. [4, 5]);

3) «физическое действие → эмоция»: Я и теперь не переменял мнения своего о французской Мельпомене. Она благодарна, величественна, прекрасна, но никогда *не тронет, не потрясет сердца* моего так, как муза Шекспирова и некоторых <...> немцев [3. С. 321].

Показывая отчужденность, автономность сердца от человека, Н.М. Карамзин использует также обращения: *О сердце, сердце!* Кто знает: чего ты хочешь? [3. С. 57]. Герои «Писем русского путешественника» во многом подчиняются сердцу, в частности они не властны над своими движениями, речью: Он хотел молиться; но *язык его, послушный сердцу*, не мог произнести ничего, кроме: «Люблю! Люблю! Люблю!» [3. С. 147]; Обняв Ланганса, сказал он: «Слезы наши текут и в прахе исчезают; изящные произведения художеств живут вовеки – *рука моя, повинуйся сердцу*, изобразит на камне твою любезную; жители отдаленных земель захотят видеть сие изображение и в сравнении с ним будут

презирать эрлахский памятник» [3. С. 219]. Раскрывая образ сердца как «внутреннего человека», встречающийся еще в Библии [6], писатель использует предикаты речи и их субстантивные корреляты: «говорит ее сердце»; «понимают язык сердца»; «сердце мое изъяснило мне»; «сказал голосом растроганного сердца», «говорить со своим красноречивым сердцем» и т.д. Н.Д. Кочеткова подчеркивает, что именно в литературе сентиментализма появляется понятие «язык сердца» [7]. Существенно, что у Н.М. Карамзина сердце, а не душа ассоциируется с внутренней речью: Ах! Если бы, омочив слезами сии остатки тридцати тысяч несчастных, вы с благословением предали их земле и на месте победы своей соорудили черный монумент, вырезав на нем сии слова: «Здесь швейцары сражались за свое отечество, победили, но сожалели о побежденных», – тогда бы я похвалил вас в сердце своем [3. С. 222] (ср. точку зрения А. Вежбицкой, которая указывает на связь души с внутренней речью). Кроме того, сердце как «внутренний человек» наделяется ментальными свойствами: Темные, лестные, милые надежды сердца! Исполните ли вы когда-нибудь? [3. С. 463]; Признаться, сердце мое не может одобрить тона, в котором господу берлинцы пишут [3. С. 95].

Менее значительную группу в «Письмах русского путешественника» составляют неметонимические идиомы, в которых на первое место выходит чувствующий человек, а сердце рассматривается как центр его эмоциональной жизни. Нами зафиксированы следующие модели таких оборотов: 1) «глагольный эмотив + в сердце (сердце, сердцем)»: Однако ж, видя вокруг себя радостные лица, веселился в сердце своем [3. С. 297]; 2) «чувствовать (почувствовать) в сердце + субстантивный эмотив»: Перед сим жертвенником Шрепфер, обнажив грудь свою и взяв в руку большой блестящий меч, бросился на колени и громко начал молиться, с таким жаром, с таким рвением, что М*, пришедший видеть обманщика и обман, почувствовал трепет и благоговение в своем сердце [3. С. 133]. Как показывает последний пример, сочетания, построенные по данным моделям, нередко содержат вторичные предикаты эмоций, в основе которых лежат различные типы семантического переноса:

1) «физиологическая сфера человека → эмоция», в том числе «вкусовое ощущение → эмоция»: Воображая, как бы я мог провести те лета, в которые, так сказать, образуется душа наша, и как я провел их, чувствую горечь в сердце и слезы на глазах. – Нельзя возвратить потерянного! [3. С. 121];

2) «изменение физических характеристик предметов и субстанций → эмоция»: Нет, я хожу в кармелитский монастырь для того, чтобы видеть милую, трогательную Магдалину живописца Лебрюна, таять сердцем и даже плакать!.. [3. С. 372];

3) «физическое действие → эмоция»: Признаюсь, что я, сжав сердце, ходил за надзирателем и несколько раз спрашивал: «Все ли?» [3. С. 446].

Словосочетания с компонентом «сердце» служат в «Письмах русского путешественника» для обозначения широкого спектра чувств: радости, удовольствия, страха, волнения, страдания, грусти, утешения, уважения, неудовольствия, обиды, равнодушия. В отдельных слу-

чаях писатель заостряет внимание на изменении интенсивности внутренних переживаний в сердцах героев: Пришедши в свою комнату, почувствовал я великую грусть и, чтобы не дать ей усилиться в моем сердце, сел писать к вам, любезные, милые друзья мои! [3. С. 178]; Бродил по городу, нахлобучив себе на глаза шляпу и тростью своей считал на мостовой камни; но грусть в сердце моем не утихла [3. С. 108]; на смешении чувств (т.е. амбивалентных эмоциях) или их последовательной смене: Осень делает меня меланхоликом. Вершина Юры покрылась снегом; деревья желтеют, и трава сохнет. Брожу sur la Treille, с унынием смотрю на развалины лета; слушаю, как шумит ветер, – и горсть мешается в сердце моем с каким-то сладким удовольствием... [3. С. 242].

Нередко описание эмоций героев осуществляется автором с помощью традиционных метафор: 1) «эмоция – текучее вещество» (сердце в этом случае уподобляется сосуду, чаше): В английских поэтах есть еще какое-то простодушие, не совсем древнее, но сходное с гомеровским, есть меланхолия, которая изливается более из сердца, нежели из воображения... [3. С. 479]; 2) «эмоция – воспламеняющееся вещество»: Помните, что нежный Стерн, приближаясь к тому месту, где, по описанию, надлежало быть их могиле, и чувствуя в сердце своем огонь и пламя, воскликнул... [3. С. 294]; 3) «эмоция – живое существо»: Печаль, грусть обнимает сердце, когда Мара поет о Христе [3. С. 439], в том числе «эмоция – опасный противник в борьбе» (данную метафорическую модель выделяет Z. Kövecses, см.: [1]): Перейдите чрез большую дорогу, и невольный ужас овладеет вашим сердцем: мрачные сосны, печальные кедры, дикие скалы, глубокий песок являют вам картину сибирской пустыни [3. С. 410]. Первый вид метафоры является доминирующим в репрезентации эмоциональных переживаний [2] и поэтому наиболее продуктивен в произведении Н.М. Карамзина. По замечанию В.В. Виноградова, представление чувства как жидкости, идущее из библейской мифологии, относится к «области общелитературной семантики дворянского языка (конца XVIII и начала XIX в.)» [8. С. 257].

По нашим наблюдениям, наиболее яркое и разнообразное по языковым средствам воплощение в произведении получает чувство любви. Поэтому сердце у Н.М. Карамзина ассоциируется, прежде всего, с интимной стороной личности, рассматривается как орган любви к человеку противоположного пола: «Человек, любящий славу, знатность, богатство, подобен тому, кто за неимением “Новой Элоизы” читает роман девицы Скюдерн. ...На диком паросском мраморе нарастает иногда довольно приятная зелень, но можно ли сравнить ее с видом того мрамора, который представляет Фидасову “Венеру”? Вот истинное определение <...>, подобно как определение сердца есть любовь» [3. С. 386]. Такое представление о сердце соответствует русской языковой картине мира [9]. В отдельных случаях изображение любви, как и других эмоций, основано на метафорических образах: «любовь – огонь»: Какая гранитная гора могла защитить мое сердце от ее пронзительных взоров? Какие снежные громады могли погасить огонь, воспаленный сими взорами в источнике жизни моей [3. С. 255]; «любовь – опасный противник

в борьбе»: А слава?.. Говорят, что она есть последнее утешение *любвию растерзанного сердца*, но слава, подобно розе любви, имеет свое терние, свои обманы и муки [3. С. 463]; «любовь – физическая сила (электромагнитная)» [5]: Он *чувствует электрическое потрясение в сердце*, встает и видит любезную, которая издали грозит ему посошком своим [3. С. 118]. Для обозначения любви писатель нередко использует: 1) глагольные именные перифразы *обладать/владеть сердцем; сердцем покориться; требовать сердца*: «Я хотел обладать нежным сердцем, – говорит он, – которое любило бы во мне не императора, но человека: вот оно!...» [3. С. 330]; Я проехал отсюда в улицу Милькер, где Франциск I жил несколько времени в маленьком домике, чтоб быть соседом прекрасной герцогини д’Этамп, которая владела его нежным сердцем [3. С. 358]; С улыбкой гордой и надежной Себе подруги он искал; Увидел – вольности лишился: Алине *сердцем покорился*; Сказав: «Люблю!», ответа ждал... [3. С. 416]; «Имев право на твою руку, я *требовала* единственно твоего сердца, для того что любила тебя; но никогда не соглашусь, чтобы парламент объявил меня твоею наложницею» [3. С. 353]; 2) описательные выражения: ...в один из сих приятных вечеров, упав на колени перед Софиею и схватив ее руку, сказал: «Она моя! *Твое сердце образовано для моего сердца!* Мы будем счастливы!...» [3. С. 242]; Ты вывез меня из Базеля; путешествие, приятные места, встреча с француженкою, водопады, горы, девица Г* – все сие не могло совершенно затереть *образа прекрасной ивердонки в сердце моем* [3. С. 255]. В анализируемом произведении сердце рассматривается не только как орган локализации чувств, но и как воплощение чувствительности вообще: К тому же почти ничего любопытного не встречалось глазам моим, и я сомневаюсь, чтобы сам Йорик нашел тут много *занимательного для своего сердца* [3. С. 147]; как центр моральных качеств: Но едва ли когда-нибудь чувствовал так живо, что мы созданы наслаждаться и быть счастливыми; и едва ли когда-нибудь *в сердце своем был так добр и так благодарен* против моего творца, как в сии минуты [3. С. 117].

У Н.М. Карамзина с сердцем связаны также критерии, определяющие взаимоотношения между людьми: И таким образом во всем своем путешествии не увижу ни одного человека, *близкого к моему сердцу* [3. С. 132]; Я увижу людей, достойных моего почтения, умных, знающих, ученых, славных – но все они *далеки от моего сердца* [3. С. 129]. Сочетания имен прилагательных с лексемой «сердце» (*нежное, чувствительное, симпатическое, т.е. сочувствующее, сердце*) также характеризуют преобладающее отношение человека к другим. Отметим, что подобные конструкции с существительным «душа» оценивают соответствующий орган с точки зрения его внутреннего устройства [9].

В «Письмах русского путешественника» встречаются комбинации дериватов данного слова с эмотивными номинативами, которые указывают на искренность и глубину чувств: 1) «сердечный + субстантивный эмотив»: Я всегда готов плакать от *сердечного удовольствия*, видя, как науки соединяют людей, живущих на севере и юге, как они без личного знакомства любят, уважают друг друга [3. С. 351]; Наконец мы въехали в

улицу прекрасного Берлина, где я надеялся отдохнуть в объятиях *сердечной приязни*, рассказывать русскому о России и другу о друзьях, говорить о наших веселых московских вечерах и философских спорах! [3. С. 89]; 2) «сердечно + глагольный эмотив»: Я сам *был сердечно тронут* [3. С. 408]; Я также засмеялся и пожал его руку, уверяя, что музу его *люблю сердечно* [3. С. 284]; 3) «от всего сердца + глагольный эмотив»: *От всего сердца жалею* о Штарке [3. С. 156].

Как отмечалось выше, значительно меньшим количеством в произведении представлены сочетания с компонентом «душа». Существенно, что их семантические и структурные особенности определяются теми же закономерностями, которые характерны для оборотов, включающих лексему «сердце». Большая часть данных сочетаний – идиомы, в составе которых существительное «душа» выступает как метонимический показатель эмоциональных процессов. С точки зрения структуры указанные единицы можно разделить на следующие группы: 1) «глагольный эмотив в каузативном значении + душу»: По-французски изъясняется он с трудом, но живость его слов и движений *трогает душу* [3. С. 265]; 2) «эмотивно-предикативная форма + для души (душе)»: Перемена климата чувствительна на каждой миле – и воображение, что я удаляюсь беспрестанно от благословенных стран юга, *горестно для души моей* [3. С. 425]; 3) «в + субстантивный эмотив + души»: «Дайте мне умереть, – говорил он *в горести души своей*, – дайте мне умереть покойно» [3. С. 262]; 4) «душа + глагольный эмотив»: Теперь поэт наш наслаждается прекрасною зарею того счастья, которое ожидает его в объятиях милой супруги, и в восторге своем прославляет берег Тунского озера, где глаза его увидели и где *душа его полюбила* Софию [3. С. 242]; 5) «приводить душу + в + субстантивный эмотив»: Внизу веселились горные жители и пели простые свои песни, которые, соединяясь с шумом ветра, *приводили душу мою в уныние* [3. С. 274]; 6) «субстантивный эмотив + в душе (в душах)»: Но верх блаженства есть начало *Унылой томности в душах...* [3. С. 417]; 7) «адъективный эмотив + расположение души»: Вообще все сюренские жители казались мне умными и счастливыми, может быть, от *веселого расположения души моей* [3. С. 369].

Во внутренней форме некоторых фразеологизмов прослеживается связь души с материальными органами, при этом в состав оборотов входят вторичные предикаты эмоций, основанные на следующих видах метафорического переноса: «движение —> эмоция»: Как мучительна, ужасна морская болезнь! Кажется, что *душа хочет выпрыгнуть из груди* [3. С. 500]; «изменение физических характеристик предметов и субстанций —> эмоция»: Как изъяснить сии жестокие меланхолические припадки, в которых *вся душа моя сжимается и хладеет?* [3. С. 332]. В отдельных случаях душа, как и сердце, уподобляется сосуду, вместилищу эмоциональных переживаний: «*Почтение, которым душа моя преисполнена к вашей любезной дочери; великое, сильное желание видеть ее...*» [3. С. 256]; «Вы ищите за милую того, что у вас под носом», – сказал ему шафнер с сердцем; но *душа магистрова была в сию минуту так полна, что ничто извне не могло войти в нее...* [3. С. 121].

Нами зафиксированы также эмотивные обороты, акцентирующие внимание на поглощенности субъекта чувством: 1) «глагольный эмотив + в душе (в глубине души)»: Вдруг началось в церкви пение столь приятное, что я забыл смотреть, слушал и *пленялся во глубине души своей* [3. С. 454]; 2) «чувствовать в душе + субстантивный эмотив»: Ныне ввечеру *чувствовал я в душе своей великую тягость и скуку*: каждая мысль, которая приходила ко мне в голову, давила мозг мой; мне неловко было ни стоять, ни ходить [3. С. 234].

С помощью сочетаний, включающих имя-партитив «душа», писатель изображает печаль, волнение, страдание, удовольствие, страх, радость, спокойствие, уважение. Однако более активно такие языковые средства используются при обозначении любви: Не знаю, что бы из меня вышло и что бы я сделал, если бы она – о жестокий удар! – не уехала из трактира в самую ту ночь, в которую *душа моя занималась ею с величайшим жаром* и в которую утешительный сон не смыкал глаз моих [3. С. 255]; *Образ нежной монахини* всегда присутствовал в душе его [3. С. 147].

По замечанию Е.В. Урысон, душа в русской языковой картине мира является органом, который отвечает не только за чувства человека, но и за его внутреннюю жизнь в целом, за все, что жизненно важно для него [9]. Так, в произведении Н.М. Карамзина с душой ассоциируются 1) нравственные качества: *Душа его столь хороша, столь чиста и неподозрительна*, что все учтивые слова кажутся ему языком сердца: он не сомневается в их искренности [3. С. 246]; «...одно *душевное благородство* достойно уважения в глазах твоих; Катерина *благородна душою* – итак, да будет она супругою моего государя, моего отца и друга!» [3. С. 328]; 2) ментальные свойства: «Вот другая блаженная минута в жизни моей! – тихо говорит он Лефорту. – Первою наслаждался я тогда, когда *решился в душе своей* быть отцом и просветителем миллионов людей и дал в том клятву всевышнему» [3. С. 328]; Все приятные мысли о

путешествии *затмились в душе моей* [3. С. 59]; 3) особенности восприятия окружающего мира: Я весь облит разными звуками ниспадающих волн: ревущий концерт, *оглушающий душу!* [3. С. 184]. Кроме того, душа наделяется способностью испытывать физиологические состояния: *Душа моя утомилась* от множества любопытных и беспрестанно новых предметов, которые привлекали к себе ее внимание; ей нужно отдохновение – нужен тонкий, сладостный, питательный сон на персях любезной природы [3. С. 232].

Герои произведения нередко соотносят переживания своей души (сердца) с состоянием природы: Как ясно было небо, так *ясна была душа моя* [3. С. 117]; *Сумрак и ясность, ненастье и ведро сменяются теперь в душе моей*, подобно как в непостоянном апреле [3. С. 269]; Где ты, весна жизни моей? Скоро, скоро проходит лето – и в сию минуту *сердце мое чувствует холод осенний* [3. С. 242]. Исследователи отмечают, что в литературе сентиментализма жизнь природы является аналогией человеческой жизни [7. С. 218].

Таким образом, важное место в вербализации эмоций героев «Писем русского путешественника» занимают сочетания с именами-партитивами «сердце» и «душа». Самую значительную группу составляют идиоматические обороты с первым из указанных компонентов. Это обусловлено тем, что данная лексема приобретает в литературе сентиментализма особое символическое наполнение. В частности, в произведениях Н.М. Карамзина расширяется представление о сердце: оно мыслится не только как средоточие эмоциональных переживаний, но и как воплощение общей чувствительности, носитель ментальных свойств, моральных качеств, как критерий отношения человека к другим людям, т.е. как «абсолютный центр всего человеческого» [4. С. 140]. Данное положение во многом противоречит точке зрения Е.В. Урысон, согласно которой сердце – это орган чувств и связанных с ними желаний, но не внутреннего мира в целом [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Калимуллина Л.А.* Семантическое поле эмотивности в русском языке: диахронический аспект (с привлечением материала славянских языков). Уфа: РИО БашГУ, 2006. 344 с.
2. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника // Сочинения: В 2 т. Л.: Худ. лит., 1983. Т. 1. С. 55–505.
4. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие. М.: Академия, 2004. 208 с.
5. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
6. *Пименова М.В.* Особенности концептуализации внутреннего мира человека в Библии (на примере концепта «сердце») // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Сб. науч. тр. / Отв. ред., сост. Т.В. Симашко. Архангельск: Поморский университет, 2005. Вып. 2. С. 270–276.
7. *Кочеткова Н.Д.* Литература русского сентиментализма: Эстетические и художественные искания. СПб.: Наука, 1994. 282 с.
8. *Виноградов В.В.* Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л.: Academia, 1935. 457 с.
9. *Урысон Е.В.* Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 мая 2009 г.